

ПРЕДАТЕЛИ В ОБНИМКУ С ГЕРОЯМИ Игорь Прокопенко и Андрей Исаев повествуют о Новочеркасске

Борис Ихлов

Социалист Луи Блан предаст. Он войдет во Временное правительство, и рабочие разведут руками. Любимец французских рабочих, Луи Бланки, после поражения революции 1948 года, Парижской Коммуны, да и «бланкизма», засобирается во власть. Его изберут депутатом от Бордо, но занять должность Бланки не успеет. Умрет. Всё-таки 37 лет заключений. Предаст и анархист Кон Бендит. Робер Мерль, когда писал свою знаменитую книгу «За стеклом», ставшую любимицей советских студентов, не предполагал, что его главный персонаж тоже войдет во власть.

...

Как меня вычислил Петр Сиуда, не знаю. Выступал подбитый ветерком демократичный член КССС и ГБ-шный ставленник, засланный в неформальное движение, Сережа Станкевич, который за всю свою жизнь. Ничего умного не сказал, одни обтекаемые общие фразы, еще какие-то люди. Скромненько доложил, что наша группа занята, дескать, экологией. После окончания чего-то похожего не то на семинар, не то на конференцию, не то на неизвестно что, подошел человек с кирпичным лицом, представился: «Петр Сиуда» и как клещами сжал мою ладонь. Протянул рукопись: «Это тебе. Найду тебя». В Москве происходили встречи псевдоинтеллектуалов, витий, претендентов и прочей шелупени. В поисках «своих» на семинар заглянул и Сиуда. Шел 1988 год.

Больше я не видел Петра. ГБ-шная шваль убьет Сиуду. Это будет еще до развала Союза. Его нашли утром 5 мая 1990 г. без сознания, со следами насилия на одежде и лице. Находившийся с ним дипломат с документами пропал. Через 17 минут доставленный в больницу Петр Петрович Сиуда умер. Новочеркасская прокуратура отказалась возбудить по факту смерти уголовное дело.

За несколько дней до гибели Петр нашел свидетеля, который знал место захоронения расстрелянных при подавлении забастовки новочеркасцев.

Петр Петрович Сиуда родился в 1937 году. В 1938 году умел в тюрьме от пыток его отец, член социал-демократического революционного движения с 1902 года. С 1943 по 1950 (пока мать отбывала срок в лагере) воспитывался в детском доме. Закончил горнопромышленную школу, работал в шахте, на стройке в Казахстане, служил в армии, потом заочно учился в техникуме и работал на новочеркасском электровозостроительном заводе. После освобождения занялся политикой, писал письма, протесты в «Правду, «Литературную газету». Добился полной реабилитации своего отца. Неоднократно подвергался преследованиям и провокациям со стороны КГБ.

...

Тогда, в 1988-м, в поезде, я листал страницы рукописи, тонкая белая «хрустящая» бумага. Давным-давно краем уха я слышал о бойне в Новочеркасске. Но тут листал – и мурашки бегали по коже – от факта мужества рабочих.

Наш Союз коммунистов (изначально Группа продленного дня, позже – российское политобъединение «Рабочий») первым в стране, в 1990-м, в самиздатовском «Рабочем вестнике», в №6 и №8, опубликовал рукопись Сиуды. До этого времени у нас не было доступа к копировальной технике, в 1988-м рукопись Сиуды мы передавали из рук в руки. После ее появления в «Рабочем вестнике» в Перми ко мне подходили люди и спрашивали: «Это действительно было??»

Видимо, либо еще в поезде, либо уже из моей квартиры КГБ-шники выкрали часть рукописи, но я запомнил то, что читал. Читал, как в Новочеркасске вовсе не шла игра в одни ворота. Не просто солдаты убивали безоружных рабочих, не просто давили их танками. Было сопротивление, **рабочие готовили бутылки с коктейлем Молотова, отбирали оружие у солдат.**

Рассказали, что Сиуда записался к анархо-сидикалистам, которыми верховодил Саша Шубин и, на вторых ролях, Андрюша Исаев... Как они могли запудрить мозги Петру – неясно, но так рассказывают – Сиуда вступил-таки в «Конфедерацию анархо-синдикалистов». Скорей всего, эти школьники его просто обманули. Однако в изданиях КАС тех лет, которых в то время курировал проамериканский шведский профсоюз SAC, рукописи Сиуды я не видел! Врут анархисты, что якобы первыми опубликовали материал Сиуды, они всегда были трусами.

...

Как-то забежал в столовку Госдумы. Неожиданно увидел Анпилова, ГБ-шного ставленника и провокатора. Поразился: какая у него за короткий срок стала откормленная ряска! Там шикарные блюда и обескураживающе низкие цены – в госдумовской столовке. Анархо-синдикалист Андрюша

Исаев, после того, как женился на дочке миллионера, «перестроился» и через ВЦСПС-ФНПР попал в депутаты, страшно раздался, потолстел и... поглупел? Нет, он и ранее был интеллектуально неразвит...

Прокопенко в своей «Военной тайне» протарахтел про Новочеркасск еще 18-го июня. 1-го августа – вторично. Мелькнула и откормленная ряшка Исаева. Исаев, предавший своих соратников-анархистов, стал прислуживать тем, против кого боролся, но не постеснялся приклеиться к восстанию в Новочеркасске!

Я бы хотел довести до сведения всю рукопись Сиуды. Всю, без купюр. Дело в том, что, скажем, на сайте каких-то «либертарных коммунистов» «Автономное действие» текст Сиуды – с серьезными купюрами. Да еще со вставками самих либертариюв – от имени Сиуды. На Left.ru – то же самое. То же самое – в Live journal. И везде фото Сиуды с бородкой, которой у него не было...

Во-вторых, речь вовсе не о том, что после смерти Сталина пришел Хрущев, и всё пошло прахом. Речь о том, что никакой власти рабочих, никакого ни рабочего, ни переродившегося рабочего государства в СССР не было в помине. Это была всё та же старая сталинская система, которая к рабочим восхвалительно относилась только напоказ, а на деле давила их танками.

Не могли же сталинские чиновники через 9 лет после смерти Сталина вдруг переродиться, они такими хамами с буржуйским брюхом становились десятилетия.

Борис Ихлов

Кровавая бойня Новочеркасская трагедия 1-2 июня 1962 г. Петр Сиуда

За прошедшие 26 лет после кровавого подавления забастовки и демонстрации трудящихся в г. Новочеркасске 2 июня 1962 г. мне не приходилось слышать о том, что эти события где-либо, когда-либо были описаны. Лишь однажды я прочитал в книге Солженицына 2-3 листа, посвященные этой трагедии. В изложении Солженицына события крайне извращены, и этим причинен истине о трагедии безусловный ущерб.

Наши органы информации, идеологии, современные партийные «вожди» и лидеры, всякого рода и всех степеней чиновники не устают говорить об исправлении «ошибок» и преступлений прошлых десятилетий. Но и сегодня хранится гробовое молчание о Новочеркасской трагедии. Заявление о реабилитации забастовки, демонстрации и всех ее участников получили: ЦК КПСС – 05.01.1988, ПВС СССР – 03.01.1988, Верховный Суд СССР – 06.01.1988. До сих пор ни малейшего признака реакции на заявления, их рассмотрения. И уже поэтому обостряется необходимость предать максимальной гласности всю правду о Новочеркасской трагедии.. Это необходимо сделать ради памяти всех невинных жертв трагедии, всех осужденных за участие в выступлениях трудящихся Новочеркаска, всех и ныне живых родных и близких как погибших, так и осужденных, всех участников событий. Это необходимо сделать и с целью предания гласности преступления, совершенного партией и государством против не только новочеркасцев, но и против трудящихся, народа. Преступление, которое находится в одном ряду с преступлениями царизма, совершенными 9 января 1905 г., 4 апреля 1912 г. на Ленских приисках и им подобные. Это необходимо сделать с целью предотвращения впредь аналогичных преступлений.

Как известно, событиям в Новочеркасске предшествовали декларированные в 50-е годы процессы предания гласности преступлений сталинизма, развенчивания «культ личности». В истинность этих процессов поверил и народ. Вместе с тем, осуждая «культ личности», партийные «вожди» и государственные правители оставляли незыблемым сам сталинизм. Именно на партийно-политической платформе сталинизма продолжали укореняться и развиваться волюнтаризм вождей, правителей и чиновничества, произвол верхов и бесправие низов, оставалась неподконтрольной обществу деятельность органов насилия – КГБ и МВД.

В те годы практически ежегодно в промышленности волюнтаристски производились снижения расценок оплаты труда. Это давало возможность чиновникам обеспечить требуемые центральными органами высокие показатели роста производительности труда, снижения себестоимости продукции без соответствующих капиталовложений, повышения механизации и автоматизации производства, проведения организационных мероприятий и качественного улучшения технологических процессов. Безусловно, в других странах подобного рода улучшения показателей неизбежно сопровождаются протестами трудящихся, ростом забастовочного движения (Сиуда не в курсе – в развитых странах

расценки срезает рынок, Б. И.). За предшествовавшие десятилетия в СССР самодеятельность трудящихся, их воля и способность к классовой борьбе, готовность отстаивать свои интересы были полностью парализованы. Декларируемая в 50-е годы демократизация, в очередной раз одурачивая и оболванивая массы, давала надежды трудящимся на то, что они успешно могут вести диалог с властями, партийно-государственным чиновничеством. Новочеркасская трагедия сорвала маску лжи и лицемерия с КПСС.

С 1 января 1962 г. на крупнейшем новочеркасском электровозостроительном заводе (ЭСЗ) в очередной раз начала проводиться компания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода, расценки снижались до 30-35%. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае, был сталелитейный цех. К этому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли в очередной раз к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же сталыцеа снижение расценок еще оставалось чувствительно болезненным.

Утром 1 июня 1962 г. по центральному радиовещанию было объявлено о разном, до 35%, «временном повышении цен на мясо, молоко, яйца и др. продукты. Это был неожиданный сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся в СССР. Повышение цен не могло не вызвать всеобщего недовольства. Но возникновению забастовки именно на ЭСЗ способствовал ряд других обстоятельств.

В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе составляла в ту пору от 35 р. до 50 р. в мес., т.е. от 20% до 30% зарплаты рабочего.

Новочеркасск считался в ту пору городом студентов. Соответственно было и его обеспечение продуктами питания. В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них были чрезмерно высокими. Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло подорожание продуктов питания и на рынке.

Но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собой забастовку, если бы самонадеянный чиновный мерзавец не бросил бы в бочку пороха народного гнева, недовольства искру оскорбления, барского хамства. Речь идет о директоре в ту пору завода – Курочкине. В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В сталыцеа рабочие собирались кучками, обсуждали не только сообщение о повышении цен, на продукты питания, но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлениях, о забастовке. Директор и секретарь парткома завода повели не по-деловому, высокомерно, по-барски. В момент разговора директора с рабочими к группе рабочих, окружавших директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: «Не хватает денег на колбасу – ешьте пирожки с ливером.» Это стало той искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами «да они еще, сволочи, издеваются над нами» разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывами прекращать работу и объявить забастовку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1-3 июня не создавалось и не было никаких групп и органов, которые бы взяли на себя обязанности возглавить организацию и проведение выступлений рабочих. Все события проходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не были причастны и какие-либо «радиоголоса».

...

Вот здесь у Прокопенко что-то свое пытается сказать Андрюша Исаев. Он говорит, что в администрации завода не было опытного переговорщика, ну, такого, как он, Исаев... Он еще подпустил, что новочеркасцы – все сплошь бывшие казаки, мол, мужественные, горячие. Но если казаки – так верны власти, служат порядку, а новочеркасцы-то – наоборот... Не за царя сраного они выступали, за свои, не казакские, а за великие рабочие, мужицкие интересы!

...

Рабочих завода не было нужды агитировать на забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывавших к забастовке, как работа моментально останавливалась. Масса забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало около 14 тыс. чел. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживающего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу ж/д путь СКЖД, повесив на штакетник красные тряпки. Остановкой поезда рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги. Этим был остановлен поезд «Саратов – Ростов» и движение поездов на этом участке.

По инициативе слесаря завода В. И. Черных его товарищ, цеховой художник В. Д. Коротаев написал плакаты: «Дайте мяса, масла!», «Нам нужны квартиры!», которые вынесли из завода и укрепили на одной из опор. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: «Хрущева на мясо!» Последний лозунг появился в других местах. Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смены, жители рабочих поселков.

Первые попытки по пресечению забастовки были предприняты силами дружинников и ИТР, которые пытались пропустить пассажирский поезд и тем самым открыть движение на ж.д. дороге. Но они оказались бессильны и вынуждены были ретироваться, снять повязки дружинников. С забастовщиками ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить гл. инженер завода Елкин С. Н., который конкретно не говорил о восстановлении расценок, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его в кузов грузовой машины и пытались требовать от него конкретные решения. Вопросы ему задавал я, что после было вменено мне на судилище в обвинение.

Примерно в полдень в массе забастовщиков пронеслось: «Милиция приехала!» Вся людская масса ринулась на полотно ж.д. в направлении милиции. Я оказался среди первых. Надо было видеть внушительность картины. Метров на 300-400 на полотно ж.д. накатила волна плотной людской массы. А в метрах 200-250 по другую сторону ж.д. выстраивались в две шеренги более 100 милиционеров. Доставившие их машины разворачивались на пустыре. Увидев накатывающую волну людей милицейские шеренги моментально рассыпались. Милиция кинулась вдогонку за разворачивающимися машинами, на ходу беспорядочно лезла в кузова. Не успели удрать лишь два милиционера, у которых не то от страха, не то от бега подкашивались ноги. Волна забастовщиков не настигла милицию. Милиция успела трусливо удрать, бросив на произвол массы двоих своих товарищей. Но и в своем гневе рабочие не только не учинили расправу над оставшимися милиционерами, но даже не тронули их, выпроводив с напутствием, чтобы милиция не совала нос к забастовщикам.

Как позже стало известно, милицию переодели в гражданское платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены КГБ, которые были снабжены микрофотоаппаратами, вмонтированными в зажигалки, портсигары и бог весть знает еще во что. Съемки осуществлялись с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии, приходилось видеть ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки.

Принимались и попытки спровоцировать рабочих. 1 июня погода выдалась жаркая, безоблачная, источников воды поблизости от площади около заводоуправления не было. Помнится одолевавшая мучительная жажда. Но никто не покидал площадь. Всех спланивало единство, вера в свои силы, в справедливость своих требований. И в этот момент к забитой народом площади прибыла машина, доверху нагруженная ящиками с ситро. Соблазн был огромен. Раздались призывы разобрать ситро. Но возобладали здравый смысл. Ни одной бутылки не было взято с машины. Было полностью парализовано движение на ж.д., но машину с ситро пропустили через всю многотысячную, одолеваемую жаждой массу людей. Провокация не удалась, провалилась.

(7-тысячная демонстрация рабочих КАМАЗа в Набережных Челнах в 70-е годы – дело было зимой – поддалась на провокацию, на бесплатную водку, на том и закончилась, Б. И.)

К концу рабочего дня на площадь около заводоуправления прибыли первые отряды воинских подразделений Новочеркасского гарнизона. Они были без оружия. Приблизившись к массе людей, солдаты моментально поглощались толпой. Забастовщики и солдаты обнимались, целовались. Да, целовались. Офицерам с трудом удавалось извлекать солдат из массы людей, собирать их и уводить от забастовщиков. Через некоторое время с балкона строящегося здания заводоуправления пытался выступить 1-й секретарь Ростовского обкома КПСС Басов А. В., окруженный чиновниками.

(После событий Басова вовсе не исключили из КПСС, сначала от греха подальше убрали на Кубу советником при Правительстве Кубы по вопросам животноводства, ну, а через три годика, как у нас водится – на повышение, в министры сельского хозяйства РСФСР, Б. И.)

Трусливость партийных чиновников была для всех не только очевидна, но и оскорбительна. С забастовщиками никто не хотел разговаривать на равных (Сиуда постоянно повторяет слово «по-барски»; вот она, «советская» буржуазия, вот она, власть «трудящихся»! Б. И.). Быкова и его холуев пытались забросать камнями. Но они были в буквальном смысле этого слова над массой людей. Поэтому ни одного попадания не было. Басов с друзьями ретировались.

К площади возле управления стали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Власти убедились, что солдаты гарнизона оказывались ненадежными, поэтому всю надежду возложили на офицеров. Право, наблюдался скоротечный процесс гражданской войны. Но офицерье в буквальном смысле чувствовало силу и мощь рабочих рук. Их бронетранспортеры раскачивались рабочими с поразительной легкостью из стороны в сторону. Жалко было смотреть, как полковники и майоры болтались на сиденьях, не в состоянии изобразить на своих физиономиях выдержку, растерянность и страх на их лицах свидетельствовали, что им не под силу пресечь гнев рабочих. Бронетранспортеры уехали.

Возбуждение забастовщиков не только не утихало, но и нарастало под воздействием попыток подавить их выступление. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного тоннеля. На митинге раздавались призывы послать делегатов-рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращений с призывами к поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. Я хорошо помнил рассказы участников событий в Венгрии и Грузии. Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжить забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям.

Призывы к захвату в городе власти, к насилию не прошли, были полностью отвергнуты. Решено было на следующее утро идти в город демонстрацией. И это уже свидетельствует, что волнения рабочих не сопровождались экстремизмом, насилием над представителями власти. Позже и следствие, и суды не смогли обнаружить фактов экстремизма и насилия, кроме двух незначительных случаев. Первый случай касается главного инженера завода Елкина С. Н., когда его силой затащили в кузов грузовика. Но он не подвергся избиениям. Второй случай связан с членом КПСС Брагинским, который от своих же подчиненных получил несколько затрепанных, не повлекших за собой ни травмы, ни нужды обращаться к медицине.

Поздно вечером, когда гнев рабочих достиг высокого накала, а излить его не могли, рабочие сняли с заводоуправления портрет Хрущева. Прошлись по кабинетам заводоуправления и сняли все портреты Хрущева. Свалили их на площади в кучу и устроили большой костер.

Постепенно к ночи масса народа около завода стала редеть. В это время группа рабочих во главе с замечательным парнем Сергеем Сотниковым отправилась к газораспределительной станции с целью перекрытия подачи газа на промышленные предприятия города. Сделать им это практически не удалось.

В пятом часу я был разбужен двумя сильными взрывами. Раздетый выскочил из временки, где жил с женой. На улицу стали выходить со многих дворов люди. Выяснилось, что «ослепленный» танк сбил две опоры электропередачи высокого напряжения, провода сконтачили, и электрозаряды были теми взрывами, которые подняли с постели людей.

Я отправился к заводу. Метров на 400-500 от железной дороги и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 5-15 человек. Я подошел к группе людей, выдвинувшейся на самое близкое расстояние к полотну железной дороги. Все мы наблюдали, что железная дорога, завод оцеплены солдатами, вооруженными автоматами. Возле завода и около станции стояли танки. Люди сообщили, что в 12-м часу ночи в поселок, на завод, в город введены воинские подразделения, армия, танки. Рассказывали, что ночью жители пытались устраивать из подручных материалов перед танками баррикады, которые те преодолевали беспрепятственно. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели танков, «ослепляли» их. Один танк влетел в котлован, вырытый под опору ж.д. аллеи. Именно таким образом танк сбил две опоры электропередачи.

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. Группа быстро растаяла, в ней осталось 5-7 человек. С подошедшим офицером завязали резкий разговор. Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке не заметили. Как сзади оказались два вооруженных солдата. Таким образом мы были арестованы. Нас доставили в заводоуправление. Кругом было полно солдат кавказских национальностей, офицеров, гражданских, КГБ. Встретили меня со злорадством, сообщив, что давно меня ожидают и рады встрече. В легковой машине в сопровождении трех человек кроме шофера меня быстро доставили в ГОВД, где уже напряженно действовал штаб чиновников по подавлению волнений. По дороге в машине сопровождавшие размахивали передо мной кулаками, угрожали, оскорбляли.

В ГОВД поставлялись всё новые и новые арестованные. Меня отвели в кабинет, где сидело. Если мне не изменяет память, человек шесть. Был проведен беглый допрос. От меня требовали обещания, что я не буду принимать участия в массовых беспорядках. Я ответил, что буду делать то, что будет делать большинство рабочих. Мне предложили подумать и отправили за дверь кабинета. Я слышал, как за дверью всё больше нарастали нервозность, напряжение. Названивали непрерывно телефоны, звучали требования не допускать скоплений народа.

Я понял, что допустил ошибку. Попросил приема и стал заверять, что подумал и не буду принимать участия в беспорядках. Но по молодости не смог сдержать улыбки с ехидцей и этим выдал свои намерения. Меня отправили в камеру, и минут через 15-20 нас, пять человек, посадили в черный «ворон» и отправили в Батайск, за 52 км от Новочеркаска. С этого момента моё участие в трагедии закончилось. Я долгие месяцы и годы был в камерах ростовского следственного изолятора КГБ, Новочеркасской тюрьмы, в концлагере с активными участниками последующих событий в Новочеркасске. Я стремился восстановить по крупицам ход событий. Проверял и перепроверял, сопоставляя каждый факт, мельчайшие подробности. Поэтому могу поручиться за точность изложения событий. ...

Утром на завод пришли рабочие не только первой смены, но и других смен. Завод был заполнен солдатами. Возле всех ворот стояли танки. В цехах были солдаты, посторонние гражданские, явно КГБ-шники, Несмотря на требование не собираться группами, рабочие собирались кучками. Их возмущение, гнев нарастали. Группа рабочих стала покидать рабочие места, выходить из цехов. Все были охвачены стихией, гневом. Малые группы стали сливаться в большие. Это процесс уже никто не мог остановить. Большие группы рабочих стали стекаться к центральной проходной завода. Внутри заводская площадь уже не вмещала всех рабочих. Усиливался напор на ворота. Рабочие силой распахнули ворота завода и вышли на предзаводскую площадь. Вспомнили предшествовавшие в предыдущий митинг и призывы к демонстрации. И многотысячная масса народа направилась в город. Путь предстоял дальний. От завода до центра города примерно 12 км. Некоторые группы направилась на другие заводы с призывами поддержать электровозостроителей. На призывы с готовностью откликнулись строители, рабочие заводов: электродного, «Нефтемаша», мелких предприятий. Отовсюду колонны шли в город. В колоннах появились красные замена, портреты Ленина. Демонстранты пели революционные песни: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами...»

(Позднее семеро из «зачинщиков», Александр Зайцев, Андрей Коркач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шуваев, были приговорены к смертной казни и расстреляны, остальные 105 получили сроки заключения от 10 до 15 лет с отбыванием в колонии строгого режима, их обвинили в бандитизме!! И в попытке... свержения Советской власти! Б. И.) ...

... Все были возбуждены, охвачены верой в свои силы, в справедливость своих требований. Колонна демонстрантов всё более возрастала. Подходя к мосту через ж.д. и реку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооруженных солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкли революционные песни. Затем плотная грозная масса двинулась медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!» Возгласы переросли в мощное скандирование, четко повторялось: «Дорогу рабочему классу!» Солдаты и танкисты не стали препятствовать колонне, стали помогать перелезть через танки. Поток людской массы обтекал с боков и перетек через танки, кордон на мосту. Еще больше возросло возбуждение, еще мощнее, громче зазвучали революционные песни.

Демонстрация вступила на центральную городскую ул. Московскую. Я не называю даже примерного количества демонстрантов, потому что так и не смог услышать приблизительные цифры.

Все едины в утверждении, что вся городская площадь перед горкомом партии (бывшая дворец-канцелярия атамана войска Донского), большая часть ул. Московской, часть пр. Подтелкова были полны народа. На площади возле памятника Ленину стоял танк. Его облепили демонстранты, детвора. Танк полностью ослепили, видимо, это вывело из терпения танкистов. Танк грохнул холостым выстрелом. Стекла в ближайших домах посыпались.

Перед горкомом партии бурлила масса демонстрантов. В горкоме было полно солдат кавказской национальности. Через двери солдаты переругивались... Один кавказец не выдержал, прикладом автомата разбил стекло в двери и через образовавшийся проем ударил прикладом женщину. Под напором возмущенной толпы двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей разметала солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. По рассказам некоторых его там избивали. То единственный случай, когда был избит представитель власти, вооруженных сил, армии, оккупировавшей город. (Позднее адвокаты сталинско-хрущевской власти будут уверять, что часть наиболее радикально настроенных рабочих начала штурмовать заводоуправление, попутно устраивая там погром и избивая пытавшихся мешать им представителей администрации завода, Б. И.)

Горком был полностью захвачен демонстрантами.

Демонстранты ворвались в один из кабинетов. Там на столе стояли коньяк, богатая закуска и приборы на две персоны. Убежать из кабинета никто не мог успеть, но в кабинете никого не было. Стали искать. В диване оказался прокурор из областной прокуратуры, а в книжном шкафу спрятался Шелепин А. Н.

(Справка: стремительной карьере обязан встрече со Сталиным; в 1952—1958 годах первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в апреле 1958 года назначен заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, с 25 декабря 1958 года по 14 ноября 1961 года - председатель КГБ, был выдвинут Н. С. Хрущёвым с поставленной задачей перестраивать работу Комитета в соответствии с решениями XX съезда партии: ускорить десталинизацию и искоренить нарушения социалистической законности (в годы работы в КГБ его прозвали «Железный Шурик»), с октября 1961 года по сентябрь 1967 года — секретарь ЦК КПСС, во время волнений в Новочеркаске в 1962 году на месте событий с 1 июня (прибыл вместе с А. П. Кириленко), принимал «решение о расправе со «смутьянами»»). Стишок М. Алигер:

В октябрьском деньке,
невысоком и мгlistом,
в Москве, окружённой немецкой подковой,
товарищ Шелепин,
ты был коммунистом
со всей справедливостью нашей суровой.

Его даже хотели сделать генсеком, да Брежнев не дал, отправил на пенсию. Кроме Шелепина в Новочеркаск была направлена группа членов Президиума ЦК КПСС в составе: Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, А. П. Кириленко, Л. Ф. Ильичёв и Д. С. Полянский, приказ задействовать 18-ю танковую дивизию Северо-Кавказского округа отдал маршал Малиновский, Б. И.)

...Их стали тащить на балкон, требовать, чтобы они выступили перед демонстрантами. Они упирались, отказывались. Тогда демонстранты взяли коньяк, закуску и вынесли на балкон на обозрение демонстрантов. Начался митинг.

На митинге выступила Е. П. Левченко. Она сообщила, что ночью и утром проводились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. Она говорила правду. Но навряд ли она могла знать, что многих арестованных уже нет в городе. Всё настойчивее звучали требования освободить арестованных. Часть митинговавших отправилась к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат кавказских национальностей. Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты.

В это время один солдат замахнулся автоматом на рабочего в синем комбинезоне. Рабочий схватился за автомат. Началась борьба. В руках рабочего оказался автомат, а у солдата автоматный рожок. Автомат в руках рабочего был не более чем дубинкой. Но и ею он не воспользовался. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. Навряд ли хотя бы одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. А в здании горотдела началась паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытий от пуль, влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры и КГБ-шники пользовались случаем и захлопывали двери камер с демонстрантами,

закрывая их на засовы. Один из позже осужденных участников этих событий, раненный пулей в лопатку, в лагере рассказывал, что их заставляли складывать трупы погибших в подвале находящегося рядом госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали. Дергались руки, ноги. Кто знает, может быть, среди них были и такие, которых можно было еще спасти.

Характерно для всех участников то, что никто не мог назвать даже приблизительно число виденных ими погибших. Никто не назвал ни одной цифры.

Была отдана команда солдатам возле горкома партии открыть огонь. Но там-то не было штурма, не было насилия. Горком находился в распоряжении демонстрантов. На деревьях большого сквера сидело много детворы. Не один свидетель рассказывал, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать команду своим солдатам и перед строем застрелился. Но кинжальный огонь был всё-таки открыт. Вначале вверх по деревьям, по детворе. Посыпались они, посыпались перепуганные, раненые, убитые. Партия, государство, армия так искореняли крамолу. Партия так утверждала единство партии и народа. Затем огонь был перенесен на массу. Не огонь одиночными выстрелами, это огонь из скорострельных автоматов.

Рассказывали: бежит пожилой мужчина мимо бетонной цветочной вазы на тумбе. Пуля попала в голову, его мозги моментально разляпались по вазе. Мать в магазине носит убитого грудного ребенка. Ранена парикмахерша на рабочем месте. Лежит девочка в луже крови. Ошалелый майор стал в эту лужу. Ему говорят: «Смотри, сволочь, где ты стоишь!» Майор здесь же пускает себе пулю в лоб. Много рассказывали.

Подгоняли грузовики, бортовые машины, автобусы. Туда спешили вбрасывать, впихивать трупы жертв. Ни одного погибшего не дали для захоронения близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они делись. Кровь смывали пожарными машинами. Но еще долго на мостовой оставались бурые следы крови.

Мне не раз приходилось слышать о расстреле. Рассказывали: открыт огонь, масса в ужасе бежит. Огонь прекращается. Масса останавливается, медленно выползая, останавливается. Опять огонь. Всё повторяется. До сих пор неизвестно, сколько погибших, калек, раненых.

Нет, волнения эти не были подавлены. Площадь продолжала бурлить. По городу поползли мрачные слухи. Пришло сообщение, что в городе члены политбюро и правительства. Среди них А.И. Микоян, Ф.Р. Козлов. Микоян потребовал, чтобы с площади выпустили танки, обещая после этого выступить. Демонстранты ответили четко: «Нет! Пусть смотрят на дело рук своих!» ... Микоян выступил по городскому радио. В газетах, даже городской, о событиях ни слова.

Одни покидали площадь, другие приходили. Ругались матерно с солдатами, а они отвечали озлобленно: «Вы в нас в 56-м году стреляли, а мы в вас сейчас!»

(Тбилисские события 1956 года — массовые митинги и демонстрации в Тбилиси в марте 1956 года, вызванные выступлением Н. С. Хрущева с докладом, разоблачавшим И. В. Сталина на XX съезде КПСС. 4 марта у памятника Сталину в Тбилиси начал собираться народ. Грузинский коммунист Н. И. Парастивили забрался на постамент монумента, отпил из бутылки вино, и разбив её, произнёс: «Пусть так же погибнут враги Сталина, как эта бутылка!». 5 марта 1956 года в годовщину смерти И. В. Сталина студенты и рабочие собрались на улицах и площадях Тбилиси с лозунгом «Не допустим критики Сталина». Демонстрация с портретами Сталина прошла по проспекту Руставели. Демонстранты требовали у прохожих снимать шапки, а водителей — давать гудки. 8 марта, по данным публициста Льва Лурье, митингующие выдвинули требования к властям из 5 пунктов: 9 марта объявить нерабочим траурным днём, во всех местных газетах поместить статьи, посвящённые жизни Сталина, в кинотеатрах демонстрировать фильмы «Падение Берлина» и «Незабываемый 1919-й» Михаила Чиатурели и пригласить на митинг гостившего в Тбилиси маршала КНР Чжу Дэ. Вечером 9-го числа на грузовиках из Гори в Тбилиси приехало около 2000 человек. Демонстранты требовали отставки Хрущева и формирования нового правительства. При подавлении выступлений были убиты, Б. И.)

Торжество интернационализма в многонациональном социалистическом государстве. Ай, да пролетарская интернациональная коммунистическая партия!

Объявили комендантский час. Стали поговаривать о возможной высылке всех жителей города. Начались аресты. Ночью были случаи, когда в солдат бросали из-за углов камни. (Но я помню по рукописи Сиуды — бросали и бутылки с коктейлем Молотова, Б. И.)

Микоян с Козловым ходили по цехам электровозостроительного завода. Говорят, что снабжение города продуктами питания улучшилось, увеличилось строительство жилья, но расценки не были восстановлены.

Уже в тюремных камерах, после всех судебных процессов, мы пытались подсчитать число осужденных. Перечисляли пофамильно. Получилось не менее 105 человек. На сроки суды не скупилась. Наиболее частыми были от 10 до 15 лет лишения свободы.

Дней через 7-9 после ареста меня вызвали из камеры. На дворе ждали три легковые машины. Меня усадили в одну из машин на заднее сиденье. По бокам меня зажали двое здоровенных детин. Рядом с шофером сел третий. Во вторую машину посадили второго товарища. Третья машина была без арестованного, лишь с сотрудниками КГБ, которая следовала за первой. В сопровождении такого внушительного эскорта нас доставили в следственный изолятор УКГБ по Ростовской области. Посадили в камеры по два человека.

Необходимо признать, что в следственном изоляторе КГБ обращение с нами было предельно вежливым. Изолированность от внешнего мира абсолютная. Газет и радио не было. В коридоре ковровые дорожки. Шагов надзирателей не слышно. Скрипа на задвижках глазков не было. Тишина гнетуще гробовая. Электрический свет круглые сутки. Питание сытное и обильное, лучше, чем мы имели на воле, где с продуктами в магазинах было очень плохо.

А на воле меня искала мать. Дня через три узнала о моем аресте. Обрадовалась, что не погиб. Написала письмо Микояну. Сумела ему передать. В письме писала о своем муже, моем отце, который был членом партии с 1903 г, начал революционную деятельность в 1902 г. в Батуми, был близким соратником Сталина, многих из 26 бакинских комиссаров. 11 лет вел революционную деятельность в Баку, возглавлял революционное движение в период русской революции в Грозном, был близким другом Джапаридзе и Фиолетова. В 1937-м в Ростове-на-Дону был репрессирован и после более чем годичных пыток умер в Ростовской тюрьме.

Мать напомнила Микояну о его соратнике по партии и революционной борьбе в Баку. И Микоян «откликнулся». Через два дня меня вызвали на первый допрос. Он ограничился биографическими сведениями. Вновь отправили в камеру. Через день вновь допрос. Коротким он был. Следовательно, если не ошибаюсь, его фамилия Кострюков, капитан, бывший директор школы, показал тоненькую папку «Дело» и сообщил, что это «дело» большевика-ленинца Н. И. Сиуды, моего отца. Так, через 25 лет, сошлись судьбы отца и сына в застенках КГБ.

Тогда же следователь сообщил, что от Анастаса Ивановича Микояна поступила записка с просьбой помочь мне всем, чем возможно. И ведь пытались помочь. Вначале требовали показаний по Новочеркасской трагедии, но когда поняли, что ничего от меня не получают, не настаивали. Стали настаивать на малом: на признании событий преступными и на ошибочности моего участия в них. Но к этому времени я узнал уже о страшной трагедии в Новочеркасске. Отступничество было уже невозможно. Ведь это я призывал к продолжению забастовки и демонстрации. Я полностью осознал свою ответственность перед погибшими за трагедию. Отступничество было бы мерзейшим предательством. Я отказался от получения воли такой ценой. И тогда началась обработка.

Повторяю, в КГБ не пытали, не били, были предельно вежливы, обращались только на «Вы». Тем не менее, других подследственных убеждали предварительно, что их дело завершается и каждый из них будет скоро освобожден. Затем обработанного таким образом подследственного помещали ко мне в камеру. Такие сокамерники ни о чем не могли ни думать, ни говорить, кроме приближающейся Воли. И когда их вызывали с вещами, они ликовали. Сокамерники менялись через 2-3 дня. Напомню, что камеры были на двоих заключенных. Бывало, день-два я оставался один в камере. Затем приводили очередного обработанного сокамерника. Страшно было быть полностью изолированным от внешнего мира и видеть, что все участники Новочеркасской трагедии возвращаются на волю, что воля для тебя доступна, стоит лишь чуть-чуть смягчить свои позиции. Беда только, что всех мечтателей, поверивших КГБ, я встречал осужденными в камерах тюрем и лагерях. Но тогда-то мне было не легче. И я верил, мне шел 25-й год. И я выдержал.

В камере разрешалось иметь вдоволь курева и спички. Слышал я, серой спичек можно отравиться. Незаметно даже для сокамерника я крошил серы с коробок от 20-ти спичек. Дождался, когда сокамерник уснул, развел серу и поднес кружку ко рту. Но то, что не видел сокамерник, оказывается, видели охранники. Не успел я глотка сделать, как дверь бесшумно распахнулась, и выбитая из рук

кружка оказалась на полу. Нет смысла описывать дальнейшие события. Каждый волен представить их по-своему. Чиновники КГБ поняли, что обработка не дает результатов. Прекратили обрабатывать. Для психологического отдыха отправили в Новочеркасскую тюрьму в общую камеру.

Встреча с новочеркасцами для меня и в самом деле была праздником. Но тюремная охрана отличалась хамством, грубостью.

Однажды в камеру ворвался сержант охраны. На истерической ноте он стал всех новочеркасцев оскорблять. Я возмутился, отказался от приема пищи, потребовал прокурора. После обеда повели к прокурору. Я высказал резкий протест. После этого я не слышал о случаях хамства и грубости к новочеркасцам со стороны охраны. Меня вновь вернули в следственный изолятор КГБ.

В сентябре 1962 г. в зале Ленинского народного райсуда Ростова-на-Дону под председательством члена судебной коллегии Ростовского облсуда Ярославского Н. А. с участием прокурора Брижан А. Н. состоялся суд над семьей новочеркасцами, в т.ч. и надо мной. Суд был формально открытым. Но о его проведении никто в Новочеркасске не знал. Поэтому из Новочеркасска кроме близких подсудимым и свидетелей никого не было. Суд приговорил одного к семи годам, троих к 10 годам и троих, в т.ч. меня, к 12 годам лишения свободы. Вскоре я вновь был отправлен в Новочеркасскую тюрьму, на этот раз встретился со многими знакомыми.

Новочеркасцы и в тюрьме, и в лагере были довольно дружными, хотя и делились на группы, кучки. Однажды в тюрьме мы услышали душераздирающие крики истязуемого. Все новочеркасцы, находившиеся в камерах одного коридора, подняли шум, грохот скамейками, кружками, мисками. Охранники замечались вызвали добровольца, чтобы убедился, что не новочеркасца истязают. Вызвался я. По дороге охранник меня запугивал, что мне за всех влетит. Заворачивая в очередной коридор, я увидел, как несут голого, всего мокрого парня, который был без сознания. То не был новочеркасец. Меня вернули в камеру, где я рассказал товарищам об увиденном.

Не помню, в каком месяце отправили в концлагерь в Коми АССР первый этап новочеркасцев. Я был отправлен со вторым этапом уже зимой. Концлагерь, в который наметили новочеркасцев, находился в 40 км от ж.д. станции Синдор в Коми АССР. Там были осужденные к лишению свободы усиленного режима. Сейчас я уже забыл, в каком лагере находились приговоренные к лишению свободы строгого режима. Удивительно, память цепко хранит всё связанное с Новочеркасской трагедией, а вот связанное с концлагерем многое забывается. Встретились в концлагере с земляками мы радостно. Но чуть ли не с первых минут ошарашила новость, что новочеркасцы 1-го этапа пошли на поводу у охранников и образовали что-то наподобие внутриконцлагерной дружины. Эта новость крайне возмутила. Нам (В. Власенко, В. Глобая, В. Черных, я и др.) удалось убедить в недопустимости существования чего-то подобного с участием новочеркасцев. Так и провалилась эта затея охранников.

Все заключенные работали на лесосплаве и строительстве узкоколейки, предназначенной для вывоза леса. Концлагерная жизнь шла своим чередом. Периодически возникали малые и острые конфликты с администрацией лагеря. Однажды столкновение с охраной закончилось очередью, предназначенной для меня, но в последний момент другой охранник ударом вскинул автомат, и очередь пронеслась высоко в воздухе. Мы сумели добиться их органов МООП-МВД исключения зверствовавшего опера из концлагерной спецчасти. Сумели добиться открытия вечерней школы с преподавателями из заключенных. В то же время не были покорными, внемлющими на оболванивающих политзанятиях. Однажды замполитмайор не выдержал и, вызвав меня в кабинет, запретил впредь присутствовать на политзанятиях.

Вместе с тем и среди офицеров охраны были люди, относившиеся к новочеркасцам благожелательно. Однажды в выходной я был возле лагерного небольшого футбольного поля. Рядом встал ст. лейтенант из охраны. Дождавшись, когда рядом никого не было, он сквозь зубы, не шевеля губами, сообщил мне, что в Муроме произошла трагедия, аналогичная Новочеркасской. Так новочеркасцы узнали об очередном преступлении партии и правительства.

Были у нас случаи бригадных отказов от работы и знаки протеста. Завершались они всего лишь шизо.

После ухода Хрущева с политической арены в январе 1965 г. в концлагерь приехали КГБ-шники для зондирования настроения новочеркасцев. Для всех вскоре стала очевидна их большая информированность о нашей жизни. Дошла очередь вызова меня. Любопытный и кое-чем памятный состоялся разговор. С первых минут он накалился. На одну из моих реплик КГБ-шник со спесью и

гордостью произнес: «КГБ – не родная матушка, а передовой вооруженный отряд партии.» Разговор еще более обострился.

Сотрудник КГБ в запальчивости предупредил, что могут постараться скомпрометировать меня в глазах новочеркасцев: «Одного вызовем, другого, а третьему дадим понять, что информацией располагаем благодаря Вам.» Я засмеялся и обратил его внимание на то, что форточка кабинета открыта, а там за дверью полно моих товарищей. Поблагодарил его за предупреждение о возможной провокации. Взъерившись, он посулил: «Все освободятся, а ты будешь сидеть, срок кончится, а ты будешь сидеть.» Так и кончилась беседа.

Вскоре начали в Москве пересматривать дела новочеркасцев. Одному из последних снизили срок до шести лет. Новочеркасцев начали освобождать с весны 1965 г. Мне освобождение не светило. Муторно, тяжело было. Моя мать, прошедшая все адские круги сталинизма, осужденная в 1943 г. по 58-10 ч.2 УК РСФСР, отбывшая приговор на всю катушку, оставалась стойкой женщиной. Меньше она жила в те годы в Новочеркасске и больше была в Москве, жила в Синдоре. Она была надежным почтальоном у заключенных. Связь с ней была надежной. Я не помню ни одного срыва связи, провала почты. Она подкупила всех, кого только могла. Именно благодаря подкупам она добилась положительной характеристики мне и освобождения в июне 1966 г.

Но освобождению предшествовал один эпизод, о котором следует рассказать. Как-то ко мне подошел новочеркасец А. Жаров с просьбой помочь переправить через волю письма. Я взял пакет и, не разворачивая, отправил его по своим каналам. Дня через два ко мне подходит связник и говорит, что мать просила сообщить, что Жаров – доносчик. Мороз пробежал по коже. Я затребовал срочной доставки доносов. Вскоре мать передала их мне. Как позже она объяснила, она запомнила, что в прокуратуре СССР наряду с активными новочеркасцами, остающимися на своих твердых позициях, упоминалась фамилия Жарова. Но этим-то он и не отличался, хотя резкостей в оценках и приходилось от него слышать. Поэтому мать и обратила внимание, что поступившие его к ней письма адресованы в КГБ и прокуратуру РСФСР. На том этапе обращения к ним были уже для новочеркасцев-заключенных, по меньшей мере, странными. Мать вскрыла письма. Когда Жарова новочеркасцы заманили в школу, он утверждал, что является лейтенантом КГБ. Последующие подробности вряд ли представляют интерес.

Когда я находился в заключении, матери предоставили квартиру, вписав в ордер и меня, таким образом еще до освобождения я был надежно привязан к Новочеркасску. И после освобождения на протяжении долгих лет я продолжал жить активно. Но это другие, не менее сложные и болезненные темы.

02.05.88

Новочеркасск и Муром – не одиноки. Можно еще упомянуть Краснодар и Орджоникидзе. Очевидное сравнение – расстрел мирной демонстрации 9-го января 1905 года. Там – царская Россия, страна нарождающегося капитала. Еще сравнение: во времена проамериканской военной хунты в Аргентине профсоюзных лидеров отлавливали, кололи им наркотик и сбрасывали с «боинга» в океан. То есть – строй в СССР лишь носил табличку «социализм», на деле – никакого отличия от капитализма – нет.

Удивляет одно: какое отношение к новочеркасцам имеет тот человек, который как раз и представлял службу, душившую новочеркасцев, КГБ? Но мы видели, как 1 февраля 2008 г. Путин клал цветочки к памятнику жертв Новочеркасского восстания. Сначала госбезопасность в СССР предала рабочее дело и стала прислуживать Сталину. Затем предала Сталина и стала прислуживать Хрущеву. Потом предала Хрущева. А в 1991 – 1993 предала вообще всю страну оптом и стала прислуживать капиталу. Прокопенко в своей «Военной тайне» представил предателя страны и прислужника предателя, Андриюшу Исаева, так же в свое время предавшего своих товарищей – в обнимку с героями Новочеркасска!

Пермь, 5.8.2012